

МИРОН

Когда я вышел из избы, хозяин ее Мирон Навалыга глыбой сидел на крыльце — курил. Я присел рядом.

Стояла тишина. Солнце, обещая на завтра хороший день, присело за горизонт. На поле, что лежало неподалеку, памятниками уходящему лету высились стога. Пахло сеном, пылью.

Сидели молча. Говорить нам было не о чем. Знали мы друг друга совсем мало: я — его имя, фамилию и что работает бригадиром, он обо мне — не больше.

— Устроился? — сухо спросил Мирон, нарушая затянувшееся молчание.

— Да,— отозвался я, взглянув на него.

На вид ему было лет сорок. Круглая

и большая, как футбольный мяч, голова была тщательно выбрита.

— Глянь,— насмешливо уронил Мирон, кивнув в сторону калитки, мимо которой; прижимая к груди маленькую лохматую собачонку, шел высокий ухоженный мужчина. Тело он держал неестественно прямо и шаггал так, словно мерил длину дороги. — Тьфу! — презрительно сказал Мирон.— Мужик называется. Каждый вечер носит. Детей своих на руках так не носил,— он выплюнул окурок.— Да ладно б собака была, а то шмакодявка какая-то, гавкать и то по-настоящему не умеет. А ведь ее кормить надо. Л за что, спрашивается? За то, что маленькая да лохматая, что ли?!

— У каждого свои странности,— и я пожал плечами.

— Странности,— передразнил он, выпячивая толстые губы.— Какие, к черту, странности— мода! Вон,— он мотнул подбородком в сторону стоящей напротив избы.— За сиамскую кошку четвертной отдала. Да лучше бы она на эти деньги детишкам своим что-нибудь купила, а то...— Он снова сплюнул: — Она ее каждое утро на улицу выносит, и пока та своп кошачьи надобности справляет, она, ЧЕЛОВЕК, стоит и терпеливо ждет. Странности! Дурь самая настоящая. Одно дело, когда человек от одиночества животное себе заводит. От тоски и крокодила заведешь, а тут...— Он горько усмехнулся.

Замолчали. Мирон сидел, обхватив колени руками, втянув голову в плечи.

— А ты хорошо живешь,— заметил я по молчав.— Парники, крыжовник, огород.

Он искоса посмотрел на меня, хмыкнул:

— Заметил. И что за народ пошел? Кто хорошо живет, ну обязательно увидят, а кто плохо— стараются не замечать. И все сравнивают, сравнивают.— И зло: — Работать надо. Ра-бо-тать!

Я опешил, растерянно протянул:

— Ты чего?!

— А ничего,— все так же резко и раздраженно отозвался он, сунув в рот очередную папиросину.— А не мною сказано, что не испытывай горького, сладкого не попробуешь.

Я достал сигареты, закурил.

— Извини,— неожиданно и мягко сказал он немного погодя.— Погорячился я. Устал за день, да и на работе не все клеится. Нервы и того, сдали.

— Чего уж там, бывает,— пробормотал я.

— Тебе завтра куда? — спросил он.

— Сначала в гараж, а там...— я развел руками.

— Как платить будут?

— Семьдесят пять от среднего, а здесь — сколько заработаю.

— На тракторе давно?

— Порядком.

— Ко мне в бригаду пойдешь?

— Как начальство.

— С начальством я договорюсь. Ну, так как?

— Можно к тебе.

— Порядок! — он хлопнул своей лапицей по моему колену, улыбнулся.

Замолчали.

По полю стелился туман. Тишина стояла плотная и прохладная. Где-то невдалеке то-ропливо простучали каблучки, боязливо скрипнула калитка, дверь, и снова все стихло.

— Хорошо у вас,— вздохнул я.— Так хорошо, что слов нет.

— Еще бы не хорошо,— охотно согласился он.— У нас поля. Много их у нас, родинок-то.

— Родинок? — удивился я.

— Я поля родинками зову,— улыбнулся он.— А по приметам ведь как: чем больше родинок у человека, тем он счастливей. Так и совхоз наш.

Я покачал головой, улыбнулся: — А ты поэт.

— Какой там, к черту, поэт,—отмахнулся он.— Просто я что думаю, то и говорю. Ладно, пошли в избу. Чайку попьем — и на боковую. Завтра рано вставать,— и тяжело поднялся.

Мы пили чай, сидя друг против друга. Изба неслышно наполнялась ночью. Осторожно тикали часы. Невнятно бормотал висящий на стене приемник.

— Слушай,— заговорил я.— Ты...

— Тише, — оборвал Мирон, увеличивая громкость в приемнике.

Речка быстрая, серебристая

В нашей местности протекает...

Он слушал, не отводя глаз от окна, нешевелился, подперев щеку ладонью. Когда певица замолчала, выдохнул: ; Хорошая песня. И голос чисто женский, \ не то что у некоторых. Чтоб такую песню сочинить, людей любить надо. Ну, так что ты ;хотел спросить? — Супруга твоя где?

— К матери уехала. С сынишкой.

— А-а

— А ты женат? — он вопросительно по смотрел на меня.

— Женат.

— Это хорошо. Ну,— он хлопнул ладонью по столу,— пошли спать.

Окно моей комнаты смотрело на озеро. Светила луна. Свет ее, бледный, синевато-молочный, точно паутиной заткал дали, небо и землю. Где-то рядом шуршало листвою невидимое дерево. Я лег на приятно охлаждающую тело простыню и незаметно заснул.

Меня разбудило осторожное прикосновение к плечу. Над головой высился Мирон.

— В городе дежурная аптека есть? — отрывисто спросил он.

— Какая аптека? — не понял я спросонья.

— Обыкновенная. Аптеки не знаешь, что ли?!

— Есть.

— Ночью работает?

— Конечно.

— Где находится?

Я назвал улицу.

— А поточней?

Я принялся объяснять. Он слушал внимательно, но неожиданно перебил:

— Все эти улицы и переулки для меня темный лес. Одевайся. Вместе поедем.

— Никуда я не поеду,— огрызнулся я, натягивая одеяло на голову.— Спать охота, а до города, знаешь...

Я не договорил. Он схватил меня за майку, рывком приподнял и звенящим шепотом, глядя прямо в глаза, процедил:

— Человеку плохо.

— Так бы сразу и сказал,— пробормотал я.— А то сразу за грудки.

— По-твоему, в аптеку за водкой ездят?— остывая, сказал он.— Одевайся быстрее,— и вышел.

Мирон ждал меня за калиткой на мотоцикле. Рядом с ним стояла пожилая женщина в наспех накинутом халате, в шлепанцах. Она всхлипывала, прижимая ладонь ко рту.

— Ты, Тамара, не волнуйся,— услышал я ласковый голос Мирона.— Успеем. Фельдшерка у тебя?

Женщина кивнула.

— Вот и хорошо. А мы за час обернемся. Дорога пустая. Да и товарищ,— он посмотрел на меня,— город как свои пять пальцев знает. Ну, беги, беги... Скажи ему, пускай держится.— И ко мне: — Садись. Ну, дай нам бог удачи!

Мотоцикл взревел, и мы рванули к городу.

Мне много раз приходилось ездить на этом виде транспорта в качестве пассажира. Но чтоб с такой скоростью... Я обхватил Мирона руками, прижался лицом к его спине и закрыл глаза, моля бога только об одном — чтоб не грохнуться, и мы не грохнулись.

Дверь аптеки была закрыта, но окна светились. Мирон громко постучал.

— Кто там? — спросил заспанный женский голос.

— Лекарство надо.

— Какое?

— А я откуда знаю! — раздраженно отозвался Мирон.— Здесь не по-русски написано.

— Минуточку.

Дверь открылась. В лицо густо пахло запахом лекарств.

— Рецепт? — спросила женщина, с трудом сдерживая зевок и оглядывая нас с ног до головы.— Минуточку,— снова сказала она и зарылась в одном из стеклянных шкафов щедро уставленных склянками.— Вот,— она протянула коробочку.— С вас три рубля сорок четыре копейки.

Мирон положил на прилавок скоманную пятерку, толкнул меня плечом:

— Пошли.

— А сдачу?—растерянно спросила женщина.

Мирон отмахнулся. Садясь на мотоцикл, буркнул:

— Рупь туда, рупь сюда — ерунда на постном масле. Погнали!

И мы погнали. Я смотрел на дорогу поверх его плеча. Свет фар уверенно вспарывал тьмоту.

— Как настроение? — громко спросил Мирон, полуобернувшись.

— Нормальное! — прокричал я. — Выше среднего!

— Значит, порядок! — и он до предела увеличил газ.

Мы остановились у щитового дома, в котором ярко светили два крайних окна. На шум мотоцикла выскочила та самая женщина и, придерживая рукой полы халата, подбежала к нам.

— Держи,— Мирон протянул ей коробочку, спросил:— Ну, как он там?

— Худо,— женщина прижала лекарство к груди, всхлинула,— все в атаку идет... Господи! Когда же она, проклятая, для него кончится? Господи,— и заторопилась к дому.

Мирон скрипнул зубами.

— А чем он болен? — спросил я, когда мы вернулись в избу.

— Степан-то? — он тяжело сел за стол.—

Не знаю. Знаю, что очень болен. На фронте они познакомились. Там и поженились. Она санитаркой была, он — рядовым. Ранило его. Она его с поля боя вынесла и вот все несет, сорок лет почти... С ума сойти можно,— он покачал головой.— Ведь он двигаться не может. За ним убрать надо. Моя бы власть, я ей такой бы памятник поставил... Меня разбудил Мирон.

— Ну, ты и поспать,— проговорил он, улыбаясь.— И где только научился.

Я пробормотал что-то маловразумительное и стал вяло одеваться. Он хохотнул, хлопнул меня по плечу и вышел.

— Садись чай пить,— сказал Мирон, когда я, умывшись, вернулся из сеней в избу.

Чай пили не разговаривая. Неожиданно в тишину впился тонкий свербящий уши звук. Я вопросительно посмотрел на Мирона.

— Вакуумный насос,— пояснил он.— Дойка началась. Давай шевелись.

И мы вышли из избы.

Солнце только начало продирать глаза. На поле лежал плотный туман, и было до озноба прохладно. Я передернул плечами, чертыхнулся.

— Ничего, скоро жарко будет,— усмехнулся Мирон.— Так, что сам о прохладе попросишь.

Он шагал, плотно ставя обутые в кирзовые сапоги ноги на влажный от росы асфальт, сунув руки в карманы пиджака, чуть горбясь. Впереди и позади нас шли люди. Поравнявшись со щитовым домом, он придержал шаг, потер подбородок и зашагал дальше.

Гараж находился на окраине села, у озера.

— И какой умник догадался здесь гараж построить? — процедил Мирон.— Ведь портим озеро.

— Постройте очистные,— заметил я.

— А на какие шиши? Ты, что ли, деньги дашь?!

— Государство.

— Государство! — вспылил он. Шедшие впереди нас люди оглянулись.— Надо, чтоб не государство, а этот умник деньги выложил. Глядишь, головой бы стал думать!

В гараже терпко и густо пахло дизельным маслом, соляжкой. Вразброд стояли измазанные навозом и землей трактора. Возле них копошились машинисты.

Пока мы шли к конторе, стоящей в дальнем углу гаража, взревел один трактор, затем другой. Кто-то, громко чертыхаясь, пробежал мимо нас, размахивая зажатой в руке бумагой.

Небольшой кабинет механика был полон людей и табачного дыма. Сам механик, в котором я узнал вчерашнего мужчину с собачкой, сидел за столом у окна и что-то писал. Рядом с ним стоял маленький мужичок, комкая в руке кепку.

Мирон переступил порог, громко поздоровался. Ему ответили охотно. Механик приподнял голову, кивнул и, продолжая прерванный разговор, повернулся к мужичку:

— Значит, так, Бурячок,— он постучал кончиками пальцев по столу.— С трактора я тебя снимаю. Прогул — само собой и на товарищеский суд! Понялись мы с тобой и хватит! Надоело,— и он провел ребром ладони по шее.

— За что он его? — негромко спросил Мирон у одного из мужиков.

— Вчера на работу выпимши пришел,— неохотно ответил тот.— Ладно, если б пьяный был, а то самую малость...

— Не хрен на работу выпимши приходиться! — громко и резко проговорил Мирон.— Гнать таких и надо.

— Так уж сразу и гнать,— усмехнулся мужчина.

— Гнать! — жестко подтвердил Мирон.— Ему не пять лет и даже не двадцать. Он что, не соображает? Все он понимает, да только думает, что проскочит. Говорили с ним по-хорошему? — Мирон оглядел мужиков.— Говорили. Выходит, что он делает это нарочно, мягко говоря, плюет на добрые слова. Семью вот только жалко...— Мирон выругался! и к механику: — К нам помощь из города. Беру к себе. У меня тракторист заболел. Какой ему механизм взять?

Механик привстал, повел пальцем вдоль окна, ткнул:

— Этот.

— Ясно. Пошли,— кивнул мне Мирон. Когда мы вышли на территорию гаража, там рычало уже не меньше тысячи сил.

— Этот? На этот я не сяду,— раздраженно сказал я, когда Мирон показал мне на «Алтайца». — Это же не бульдозер, а вибратор! На ровном месте так трясет, что за пол-часа из сметаны масло собьет. Пускай кто другой трясется.

— А ты чем лучше того, другого? — ядовито спросил Мирон.— Глаза красивей, что ли?

— Я же сказал — не сяду! — перебил я.

— Не сядешь? — спокойно переспросил он.

— Нет.

— Тогда собирай свои манатки и дуй обратно в город.

Я опешил. Возвращение в город мне не сулило ничего хорошего. К тому же из-за того, что отказался работать.

— Как говорится, или — или,— спокойно продолжал он, глядя в сторону.— У нас здесь не детская. У нас здесь работают. Понял? — и ушел.

Я потоптался. Завел, прибавил к рычанию тысячи и свои сто тридцать. Попробовал проехать вперед, назад; повороты, отвал — все было нормально.

Я вылез из кабины, закурил. Трактора один за другим уезжали. Вскоре подошел Мирон, кивая на бульдозер, спросил:

— Работает?

— А разве не слышно,— хмуро отозвался я.

— Тогда поехали.

И мы поехали. Бульдозер трясло как в лихорадке. Я без надобности увеличил скорость, искоса посмотрел на Мирона. Он, перехватив мой взгляд, улыбнулся, но ничего не сказал.

Мы выехали из гаража, повернули к озеру и берегом покатали в сторону леса. Ехали недолго.

— Работа у тебя будет такая,— сказал он, когда мы остановились и спрыгнули на землю.— Это силосная яма.— Передо мной параллельно друг другу тянулись две бетонные стены, а между ними — бетонный пол, и все отдаленно напоминало корыто.— Сейчас начнут возить траву. Ты стащишь ее с тракторной тележки, разровняешь — и знай

катайся вперед-назад, вперед-назад. Трамбуй. Чем, плотней будет, тем лучше. Понял?

— Понял.

— Сколько весит? — он кивнул на «Алтайца».

— Одиннадцать тонн.

— Нормально. Ну, давай, — он хлопнул меня по плечу и направился к стоящим не вдалеке весам, возле которых на бревне сидела наша ночная знакомая. Лицо ее было усталым, но спокойным.

— Ну, как у нас дела? — спросил Мирон.

— Все хорошо. Спасибо вам. Если б не вы... — губы ее задрожали.

— Ну-ну, — с неловкой шутливостью он бережно потряс женщину за плечо. — Слезы-то к чему? Радоваться надо, а ты... — Женщина улыбкунула. — Так-то лучше.

Вскоре со стороны убегающей в лес узкой дороги послышался рокот трактора, и через некоторое время появился «Беларусь» с тележкой, до предела нагруженной травой. Взвесив тележку, тракторист подал ее задом поближе к силосной яме, зацепил обвивающий траву трос за мой бульдозер — и поехало!

— Ну, пошла работа — дня мало, — сказал невесть откуда подошедший Мирон. — Лишь бы дождя не было. — Он посмотрел на небо, по которому из-за горизонта плыла белоснежная размашистая тучка.

— Не будет, — сказал я.

— Твои бы слова да богу в уши.

Работа оказалась легкой, но муторной из-за своего однообразия: стащить с тележки, разровнять и — туда-сюда, туда-сюда.

Вскоре трава стала наматываться на поддерживающие катки, и настолько, что гусеницы начали бить по подножке кабины, грозя выломать ее, и мне то и дело приходилось останавливать бульдозер и выдирать спрессованную горячую, парившую траву, проклиная всех и вся. Мирон изредка помогал мне. Он появлялся неожиданно, подходил, вытирая пот с запыленного, в разводах грязи лица, черт знает чему улыбался и добросовестно выдирал траву. Когда катки освобождались — исчезал.

— Слушай, — предложил он, когда мы в очередной раз выцарапывали траву. — Давай натянем гусеницы под самую завязку.

— А толку-то? — раздраженно сказал я.

— Гусеницы траву резать будут, что им делать останется.

— Давай, — неохотно согласился я.

— Погоди минутку, я сейчас. — Его звали. Я выехал из ямы и стал натягивать гусеницу.

— Ты что делаешь?! — прозвучал за спиной злой голос Мирона. — Башка не варит?

— Гусеницы натягиваю! Не видишь, что ли?! — огрызнулся я. — А у кого башка варит, а у кого нет — еще посмотреть надо!

— Ты какого дьявола на песок выехал? Ты что, в яме их натянуть не мог?

— Не один ли черт?

— А если я тебе в кашу этого песка насыплю, ты ее жрать будешь?

— Откуда я знал, — промямлил я, глядя

под ноги. — Сказать надо было.

— А башка у тебя на что? Шапку носить?

— Отстань, — вяло огрызнулся я, — и так тошно.

— Ладно, — мягко сказал он. — Давай натягивать.

Силенок у него было предостаточно. С натянутыми гусеницами трава не набивалась, отваливалась спрессованными комьями на сторону.

Солнце висело над головой — маленькое и злое. В кабине, несмотря на распахнутые дверцы, было как в духовке, к тому же крепко пахло соляжкой, маслом и немного бензином. Откуда-то налетевшие оводы носились по кабине, бились в стекла, норовили укунить. Воевать с ними было бесполезно, на место одного убитого залетал десяток, и *ji* бросил это занятие. Страшно хотелось пить. Вода в бидоне, зарытом в песок по самую крышку, была теплой и противной на вкус. А трактора подъезжали и подъезжали... Обед пришел как избавление, обед привезли на машине.

Я поковырялся в тарелке с супом, ткнул пару раз вилкой во второе, выпил три стакана прохладного компота и завалился в тень от бульдозера.

Было тихо, жарко до одури. Хотелось лежать не двигаясь хоть до самого светопреставления.

«И дернуло же меня согласиться ехать в эту командировку, — вяло думал я. — Леший бы с ними — пускай увольняли. Работы, слава богу, везде хватает. Устроился бы где-нибудь».

— Эй! Бульдозерист! — окликнули меня. У маленькой, отсвечивающей желтизной бытовки, где мы обедали, стоял Бурячок и махал мне рукой.

— Чего тебе? — неохотно отозвался я.

— Компот пить будешь?

— А есть?

— Есть! — весело крикнул он. — Все уже набурзались. Не выливать же!

— Я лениво поднялся.

— Дуй сколько влезет, — он поставил передо мной кастрюльку с компотом, сел напротив.

— Механик отменил наказание? — спросил я, напившись.

— Нет, — неохотно отозвался он и, вздохнув: — И зачем только меня вчера на работу выпимши понесло? Теперь вот... — он не договорил, махнул рукой. — Сам виноват. Чего там. Жалко только, что до меня как до жирафа доходит.

— Мирон где?

— Сенкосилку ремонтировать помогает.

— Он давно бригадиром?

— Порядком. Как после армии вернулся, так все и бригадирит, — охотно отозвался Бурячок. — Он технику лучше этого механика знает. Да и вообще с ним жить можно. С ним просто.

Правда, справедлив слишком. Ну да ладно, чего там. Будь я на его месте, то, пожалуй...— Шмыгнул носом, спросил: — Еще налить?

— Я не лошадь — мне ведра хватит,— пошутил я, похлопывая себя по животу.

Мы вышли из бытовки, подсели к мужикам, курившим в тени. На меня искоса посмотрели.

— Еще день такой работы, и яму закроем,— видимо, продолжая начатый разговор, негромко сказал сидящий в стороне мужчина, длинный и какой-то нескладный.

— Не говори гоп, пока не перескочишь,— лениво отозвался другой, полный.— Мало ли...

— Да ладно тебе, — с ноткой раздражения в голосе сказал высокий.— «Мало ли, мало ли!» Тебя послушать, так хоть из дому не выходи.

Полный искоса посмотрел на него, промолчал. Лицо его, рыхлое, мучное, было в капельках пота, и дышал он тяжело, часто.

Подошел Мирон. Вытирая платком лицо, блестящую от пота большую голову, выдохнул:

— Жара, чтоб ей...

— Компот пить будешь? — спросил Бурячок.

— Мужики пили? — Мирон обвел взглядом мужиков.

— Пили.

— Тогда тащи все, что осталось.

— Сенокосилку отремонтировали? — спросил толстый.

— Сделали.— Мирон прильнул к кастрюле. Пил долго, но не жадно.— Решетников даже спасибо сказал.

— Да ну-у?! — удивился высокий.— От него благодарности дожидаться, что от козла молока.

— По мне, лучше маленький полтинник, чем большое спасибо,— усмехнулся толстый.— За спасибо и полбуханки хлеба не купишь.

— Дурак ты,— спокойно протянул Мирон, поднося кастрюльку с компотом ко рту.— Полтинник ему,—он сделал несколько глотков и бережно опустил кастрюльку на землю.— Мотал бы ты отсюда за своим полтинником, куда Макар телят не гонял.

— Деньги, они тоже не мешают,— заметил я.

— А я разве против? — несколько удивленно сказал Мирон.— Деньги — они никому не мешали, но деньги деньгам рознь. Может, ты и с этой женщины деньги взял?

— Да ладно тебе,— помолчав, пробормотал толстый.— Это я так просто.

— Ну, если просто,— Мирон широко улыбнулся, развел руками и, оглядев мужиков, рассмеялся. Те удивленно посмотрели на него.— Вчера Клопикова видел,— заговорил Мирон.— Знает его кто? В соседней деревне живет. Плотник. Ну так вот, историю он мне рассказал. Слушайте. Значит, так...— Мирон потер подбородок.— Говорит, что еще с окончания войны он с каждой полочки от жены

пятерку в загашник прятал. Она узнала как-то и к нему: «Где деньги?» А он ей — военкомат за подбитый во время войны танк высчитывает. Она поверила и через несколько дней соседке рассказала, а та и говорит: «А что ж тогда с моего Михаила за подбитый самолет не высчитывают? Самолет-то, он, поди, подороже танка стоит?» Ну, жена Клопикова в военкомат. О чем она там с военкомом говорила — неизвестно, но на следующий день Клопикова в военкомат вызывают. Надел ордена, поехал. Встречает его военком, говорит, улыбаясь: «Я, Афанасий Николаевич, тебя как мужик мужика понимаю, но надо совесть иметь. По пятерке много, сказал бы уж, что по тройку». Возвращается Афанасий домой — и к жене: «В военкомат ездила?» Той куда деться — ездила, говорит. А он ей: «Радуйся! Раньше по пятерке высчитывали, а теперь по десятке будут».

Мужики грохнули смехом.

Со стороны совхоза послышался нарастающий шум мотора. Вскоре, в клубах пыли, появился газик.

— Начальник катит,— заметил Бурячок.— Главный, видать,—и скрылся в бытовке.

— Пускай катит,— равнодушно отозвался Мирон, доставая папиросы.— Работа у них такая. Да и беспокойный человек главный.

— Это верно,— согласился один из мужиков.— И слово свое всегда держит.

Газик остановился напротив. Из кабины вылез плотный мужчина в ковбойке, спортивных брюках, плетенках.

— Привет всей честной компании,— весело сказал он, подымая руку.— Не сварились еще? Кваску бы сейчас сюда холодненького. А? — И присел на корточки рядом с Мирон:— Ну, как у нас дела?

— Нормально,— Мирон полол плечами,— работаем. Если дальше так дело пойдет, то завтра закроем.

— Спасибо, мужики,— главный улыбнулся.— Сегодня же напишу приказ относительно оплаты за опережение графика. Ну и жара!

— Да. Включите в приказ бульдозериста,— сказал Мирон.— Бульдозер его односменный, а придется во вторую остаться.

— Сделаю. Как фамилия?

Я сказал.

— Двадцать рублей премии устроит?

— Можно и чуток побольше,— заметил Мирон.

— Там видно будет.— Главный взглянул на выглянувшего из бытовки Бурячка, погрозил пальцем: — Смотри, допрыгаешься до увольнения... До свидания, мужики!

— До свидания,— вразнойой, но охотно ответили все.

Газик, таща за собой шлейф пыли, скрылся за поворотом.

— Ну, пошли, что ли,—сказал Мирон.— Кому что делать — знаете.

Я заводил бульдозер, когда подошел Мирон.

— Ты извини, что я без твоего согласия.

Но понимаешь—надо. Вдруг дождь. А во вторую легче: тракторов меньше, да и жара спадет.

— Ладно,— буркнул я, не оборачиваясь.

— Спасибо тебе.

Его «спасибо» прозвучало по-мужски тепло и грубовато.

Во вторую смену работать было и на самом деле легче: трактора подходили с большими интервалами, было прохладней. Оводы уже не так настырно лезли в кабину, да и пить почти не хотелось.

— Устал? — участливо спросил Мирон, когда мы с Бурячком сидели на траве, перекуривали.

— Устал,— честно признался я.— Особенно кисти рук и плечи.

— Я тоже,— шумно выдохнул он, опускаясь рядом с нами.— Спать бы сейчас завалиться, к жёнушке под бочок.

— К жёнушке,— хохотнул Бурячок.— До жёнушки ли тебе сейчас?

— И то верно,— улыбнулся Мирон.— Не до нее. Ну давайте еще маленько подналяжем.

Работать мы закончили в двенадцатом часу ночи. Домой добирались пешком, не потому, что не было транспорта, а потому, что просто хотелось пройтись по тишине, отдохнуть от осточертевшей жары, бульдозерного грохота.

Шли молча. Тело налилось усталостью до самого края, и теперь казалось, что она стекает, растворяясь в запахе леса, травы.

— Завтра закроем,— медленно сказал Мирон, когда мы подходили к поселку.

— Ясное дело,— отозвался я.— Раз решили.

Совхоз засыпал, когда мы зашагали по его улице. Только со стороны клуба слышалась приглушенная музыка, где-то далеко-далеко рокотал трактор да крупно хрустел под нашими усталыми ногами теплый, зернистый песок.